

Методология изучения эмоций в международных отношениях

Виктория А. Аванская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktysa@mail.ru*

Аннотация. Роль эмоций в международных отношениях долгое время находилась вне поля зрения тех, кто изучал международные отношения и внешнюю политику. В начале 2000-х гг. благодаря масштабной интеграции социального конструктивизма в данную область исследований ситуация стала меняться.

Анализ эмоций в международных отношениях позволяет расширить наши знания о процессе конструирования идентичности, о социальной иерархии среди политических групп, национальных и наднациональных сообществ, а также по-новому взглянуть на выработку внешней политики государствами, превращающейся в поле конструирования «Себя» и «Других».

Существующие работы можно разделить на две категории: нацеленные на использование макро- и микроподходов. В рамках макроподхода исследователи занимаются разработкой теории о природе и функциях политических эмоций. Микроподход позволяет изучать эмоции в конкретных политических ситуациях, их влияние на политическое поведение и политические процессы. Данная статья призвана охарактеризовать значимые методологические работы, появившиеся в последнее время в западной историографии.

Ключевые слова: эмоции в международных отношениях, эмоциональная дипломатия, историография, методология

Для цитирования: Аванская В.А. Методология изучения эмоций в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 43–60.

Methodology for the Study of Emotions in International Relations

Victoria A. Avanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
viktysa@mail.ru*

Abstract. The role of emotions in international relations has long been out of sight of those who carried out research on international relations and foreign policy. In the early 2000s, thanks to the large-scale integration of social constructivism in this field of research, the situation started changing.

The analysis of emotions in international relations allows to expand our knowledge of the process of identity construction, the social hierarchy among political groups, national and supranational communities, and also take a fresh look at the development of a state foreign policy, which is transformed into the design field for “Itself” and “Others”.

The existing works on this topic can be divided into two categories, aimed at using macro and micro-approaches. As part of the macro-approach, researchers are developing a theory about the nature and functions of political emotions. In turn, the micro-approach allows studying emotions in specific political situations, their influence on political behavior and political processes. The article is intended to characterize the landmark methodological works that have recently appeared in Western historiography.

Keywords: emotions in international relations, emotional diplomacy, historiography, methodology

For citation: Avanskaya VA. Methodology for the Study of Emotions in International Relations. RSUH/RGGU. Series “Political Science. History. International Relations”. 2018;3:43-60.

Введение

При изучении международных отношений эмоции долгое время не становились объектом теоретического осмысления, поскольку их принято считать противоположностью разума, иррациональным ответом на личный опыт и внешние раздражители. Предполагалось, что политические решения должны приниматься без участия страстей и эмоций, ведь обратная ситуация могла бы

привести к иррациональным актам насилия. Вот почему до недавнего времени изучение международных отношений строилось только вокруг моделей рациональных акторов [1, р. 493–495].

Ситуация изменилась благодаря развитию социального конструктивизма, так как в рамках этого направления произошел отказ от абсолютных истин в пользу конструирования реальности с помощью социальных практик, языка и т. п. Эмоции стали воспринимать как социальные отношения, которые можно изучать при помощи средств их выражения. Хотя интерес к истории эмоций возник еще в первые десятилетия XX в. благодаря работам Л. Февра, Н. Элиаса и Й. Хёйзинга [2, с. 79–97], изучение эмоций в теории международных отношений в качестве отдельного направления стало возможным только благодаря начавшемуся в середине 1980-х гг. спору между позитивистами и постпозитивистами. Как следствие возникло понимание роли эмоций в международных отношениях, на что первыми обратили внимание Дж. Мерсер и Н. Кроуфорд в 2000-е гг.

Примерно в то же время начинается процесс институционализации истории эмоций как научного направления. Возникают центры и программы по изучению истории эмоций, такие как Центр по изучению истории эмоций при Университете королевы Марии в Лондоне, Программа по изучению эмоций в Средние века во Франции, Центр по изучению истории эмоций при университете Макса Планка в Берлине и Австралийский исследовательский центр по истории эмоций. При некоторых из этих центров начинают издаваться книжные серии, посвященные истории эмоций. Появляются специализированные журналы, публикующие работы по изучению эмоций в разных контекстах, например «Обозрение эмоций» и «Страсть в контексте: международный журнал истории и теории эмоций». Подробное описание институционализации истории эмоций можно найти в статье О.В. Воробьевой [3].

Возвращаясь к начальному этапу изучения эмоций в международных отношениях, следует упомянуть статью Н. Кроуфорд 2000 г., в которой она обратила внимание на отсутствие работ, нацеленных на анализ того, как эмоции и эмоциональные отношения влияют на восприятие, мышление и поведение индивидуумов и групп. По ее мнению, страх, гнев и эмпатия в мировой политике заслуживают систематического изучения. Н. Кроуфорд оговаривает заведомо слабые места в исследовании эмоций в международных отношениях (такие, например, как способы измерения эмоций или механизмы разграничения между их «искренним» и «неискренним» проявле-

нием), но предлагает не останавливаться перед этими трудностями, а разработать теоретическую основу и методы исследования, заимствуя подходы у психологов и даже нейробиологов [4].

В свою очередь, Дж. Мерсер предостерегает от восприятия эмоций как чего-то сугубо иррационального. По его мнению, эмоции могут быть как бессистемными, так и системными: они способны разрушать рациональное поведение, но в то же время они необходимы для существования рациональности. Эмоции, подчеркивает он, являются сложным феноменом, и их изучение важно для понимания того, как люди воспринимают информацию, какова роль идентичности в международных отношениях, какое влияние оказывают эмоции на международные нормы [5].

Для описания процесса дальнейшего развития методологии исследования эмоций в международных отношениях представляется целесообразным обратиться к классификации, предложенной Э. Хатчисон и Р. Блейкером. В ее основе лежит разделение на макро- и микроподходы. Макроподход ориентирован на изучение природы и функций политических эмоций, а также механизмов их воздействия на политическую среду. Ученые, развивающие его, пытаются понять, как эмоции влияют на политические явления и вовлеченных в формирование политики людей. В рамках микроподхода исследуется то, как определенные эмоции функционируют в конкретных условиях, формируют политическое поведение и оказывают влияние на политические процессы [1, p. 493].

Макроподходы в изучении эмоций

Важную роль в осмыслении эмоций в международных отношениях сыграла статья Э. Хатчисон и Р. Блейкера [6]. Они утверждают, что после выхода статей Н. Кроуфорд и Дж. Мерсера серьезных изменений в изучении эмоций в международных отношениях так и не произошло: конкретные методы не были предложены, исследований, основанных на конкретном материале, почти не появилось. В связи с этим авторы предлагают свой взгляд на проблему и развивают уже высказанные ранее идеи.

Они считают перспективным исследование эмоций с помощью изучения их репрезентации и способов передачи. Эмоции могут проявляться в политических речах, конституционных декларациях, маршах протеста, визуальных отображениях любых важных общественных и политических событий (например, голода, терроризма и т. п.). Репрезентации позволяют наилучшим образом понять и

исследовать эмоции, поскольку они запускают механизмы перенесения индивидуальных эмоций в пространство коллективного, что в дальнейшем формирует политические и социальные процессы [6, p. 128–130].

В ходе репрезентации индивидуальный опыт травмы перерастает в коллективный опыт, полагают Хатчисон и Блейкер, подчеркивая, что наиболее наглядно влияние репрезентации эмоций отражает визуальная культура. Авторы сравнивают эффект от землетрясения в Индийском океане в 2004 г. и от землетрясения в северной части Пакистана несколькими месяцами позже. Землетрясение в Пакистане имело ограниченную визуализацию в медиа и осталось почти не замеченным мировым сообществом, в то время как последствия землетрясения в Индийском океане широко освещались с привлечением визуальных материалов, в результате чего была организована гуманитарная миссия помощи пострадавшим.

Помимо использования репрезентаций эмоций, авторы считают важным расширить количество описательных и аналитических инструментов для понимания и оценки связей между эмоциями и международной политикой. По их мнению, важно добавить к методам социальной науки подходы, использующиеся в феноменологии, герменевтике, семиотике, этнографии, истории архитектуры, искусств и музыкознании, изысканиях СМИ, что усилит междисциплинарный характер исследований международных отношений [6, p. 128–130].

В другой своей статье [7] Блейкер и Хатчисон подчеркивают важность дискурсивного подхода к изучению эмоций. По их мнению, эмоциональные значения (восприятие) каких-либо явлений формируют культуру, а также формируются ею и социальными системами, а это предполагает большую роль языка и других форм коммуникации в передаче и переживании эмоций. Эмоции авторы определяют как дискурсивные практики, а также как социальный и культурный феномен, который влияет на поведение ключевых акторов международной политики. И не только потому, что эти акторы были сформированы в том числе благодаря эмоциональному контексту, в котором они росли, думали и действовали [8, 9], но и потому, что взаимоотношения государств строятся в дискурсивной и эмоциональной среде, формирующей восприятие мира [10–13].

Другим важным теоретиком данной области стал Б. Сасли. В своей статье 2011 г. [14] он писал об эмоциях как неотъемлемой характеристике процесса функционирования международной системы, так и не нашедшей пока должного отражения в работах по международным отношениям. По мнению Сасли, изучение эмоций

может стать более систематическим при помощи разработки теории того, как государства испытывают эмоции и действуют под их влиянием в сфере внешней политики. Для этого он предлагает опереться на теорию межгрупповых эмоций, согласно которой у различных общественных групп возникают эмоциональные реакции, которые затем генерируют межгрупповое восприятие и поведение.

Сасли полагает, что, хотя государство является большим и сложным образованием, оно все равно остается группой. Поэтому чувство принадлежности к государству заставляет его граждан одинаково реагировать на различные события. Государство-группа побуждает своих членов менять отношение, ощущение и реакции согласно «государственным» эмоциям. В рамках теории межгрупповых эмоций, к которой обращается автор, групповые эмоции рассматриваются не как простая совокупность индивидуальных эмоций, а как результат процесса, в котором группа становится частью индивида и меняет его эмоции на их прототип (т. е. групповую эмоцию). Исходя из этого, Сасли обращает внимание на восприятие лидера страны не только как человека, принимающего решения, но и как члена группы.

Уже упомянутый выше Дж. Мерсер продолжает работу в том же направлении. Он сосредоточивает внимание на переходе индивидуальных эмоций в социальную сферу, на их превращении в социальные или групповые эмоции, а также на связи социальных эмоций и международной политики. Его интересует наделение государств эмоциями и влияние эмоций на государства.

В своей работе [15] Мерсер определяет социальные эмоции как чувство, имеющее внутреннюю важность для актора в рамках отношений с объектом. Объектом здесь может быть человек, группа, тостер или погода. Внутренняя важность подразумевает то, что эмоция задевает нечто, значимое для человека в связи с его статусом, возможностями, привязанностями или представлениями о справедливости.

Группа, по Мерсеру, может состоять как из двух человек, так и из двух миллиардов человек. Если группа из двух человек способна испытывать групповую эмоцию, то и группа из двух миллиардов тоже. Для Мерсера важно не то, возможно ли назвать государство группой, а то, могут ли люди чувствовать себя государством.

Мерсер обсуждает вопрос редуцирования эмоций до телесных ощущений. По его мнению, это упрощение во многом и вылилось в неизученность социальных эмоций, в то время как эмоции могут сводиться к телу лишь казуально, но никак не онтологически. Ведь это то же самое, что сводить разум к мозгу. А следовательно, отсут-

ствие группового тела не становится препятствием для групповых эмоций. Разница между эмоциями и групповыми эмоциями является концептуальной, а не физической, пишет Мерсер, подчеркивая, что групповые эмоции столь же реальны, как и другие созданные людьми категории, такие как идентичность, эмоции и нормативные структуры [15, p. 515–520].

Дальнейшее объяснение групповых эмоций оказывается в зависимости от того, как объяснить переход от индивидуальной идентичности к социальной. И Мерсер делает это следующим образом:

- 1) культура регулирует эмоции и формирует мышление;
- 2) члены группы больше всего ценят взаимодействие друг с другом, поэтому они влияют друг на друга;
- 3) эмоции заразны, т. е. передаются от одних людей к другим;
- 4) события, оказывающие влияние на группу, вызывают групповую реакцию [15, p. 520–524].

Исходя из вышесказанного, люди не просто ассоциируют себя с группами, они в состоянии ими стать. Это происходит с помощью общей культуры, общих интересов и взаимодействия. Сами же социальные эмоции, сопряженные с идентичностью, существуют на индивидуальном, групповом и государственном уровнях анализа [15, p. 525–530].

Об одном из типов социальных эмоций, объединяющих группы, рассуждает С. Кошут. Он изучает социально сконструированные «либеральные» эмоции, которые могут объединять в группы целые государства [16]. По его мнению, эмоции глубоко укоренены в коллективных ценностях и убеждениях либеральных сообществ. Либеральные нормы этих сообществ порождают и поддерживают мир между демократическими государствами, но также провоцируют конфликты с недемократическими государствами.

Защита и продвижение либеральных норм против социально сконструированных агрессивных недемократических государств предполагает сильный эмоциональный элемент враждебности при определении «Другого». Чем большую важность либеральные субъекты придают своим либеральным нормам, тем больше они эмоционально отвергают нормы своего нелиберального «Другого».

В качестве примера для своих рассуждений автор приводит реакцию общественности на трагедию 11 сентября 2001 г. в США. По его мнению, члены либерального сообщества должны разделять эмоции друг друга, поэтому страны – члены НАТО незамедлительно выразили свои соболезнования. Но, напомним, свои соболезнования выразили не только члены НАТО. Первым это сделал президент России В.В. Путин.

С. Кошут также предлагает использовать эмоции для изучения идентичности и статуса [17], для чего он выделяет такие эмоции, как гордость и стыд, страх и чувство обиды. Автор считает, что гордость и стыд способны подтверждать статус. Группы с более высоким социальным статусом проецируют свой харизматичный образ (или групповую харизму, как ее еще называет автор) на маргинализированные группы. Эта групповая харизма базируется на чувстве гордости за свое прошлое и уверенности в своем будущем. В свою очередь, маргинализированные группы испытывают чувство стыда за свой образ в чужих глазах, этим подтверждая свой более низкий статус.

В то же время страх и чувство обиды способны разрушить существующий социальный статус. Так, если группа с высоким социальным статусом начинает бояться потерять свое положение, это может вызвать неуверенность в будущем среди ее членов. Этот страх может породить изолированность, подозрительность и общее недоверие по отношению к другим группам. Более того, он может привести к отрицанию прав остальных групп с целью не допустить их к социальным ресурсам, а также к излишней демонстрации гордости и даже самоуверенности. Все это способно понизить социальный статус. Чувство обиды, напротив, способно придать силы маргинализированной группе, что дает ей возможность попробовать повысить свой статус и расширить свои права.

Для непосредственного изучения этих эмоций и того, как они формируют идентичность и статус, Кошут предлагает обратиться к когнитивному лингвистическому дискурсивному анализу и с его помощью анализировать устные речи политиков, а также публикуемые тексты.

Вышеперечисленные статьи дают общее представление о теоретическом осмыслении эмоций в международных отношениях, необходимости и способах их изучения. Теперь перейдем к рассмотрению микروподхода в исследовании эмоций в международных отношениях. Уже упомянутая статья Хатчисон и Блейкера, вышедшая в 2008 г., может рассматриваться как попытка стимулировать коллег не только к разработке теоретических основ для изучения эмоций, но и к написанию работ, опирающихся на конкретный материал и формирующих методологию изучения эмоций в международных отношениях. Авторам это удалось. После выхода их статьи количество текстов, основанных на эмпирическом материале, стало расти [18–21]. Этот процесс продолжается и сейчас. Рассмотрим некоторые из них.

Микроподходы в изучении эмоций

Неоднократно предпринимались попытки перейти от теоретического уровня к практическому и изучать эмоции на фактическом материале. Такой попыткой становится статья Э. Хатчисон «Травма и политика эмоций: формирование идентичности, безопасность и общество после взрывов на Бали» [22], в которой она развивает многие идеи из своей предыдущей теоретической работы.

Хатчисон более подробно рассматривает переход индивидуальных эмоций в общественную сферу, а также консолидирующий эффект, который этот переход может вызвать. Главными источниками для автора становятся репрезентации эмоций, а кейсом – теракты на Бали в 2002 г.

Цель Хатчисон – показать на конкретном материале, как событие, наносящее травму, может посредством репрезентаций вывести его переживание из поля индивидуального в поле коллективного. Автор хочет продемонстрировать, как практики репрезентации помогают создать эмоциональные, а потому и социальные связи между травмой и широкой общностью свидетелей этой травмы, фокусируя внимание на роли медиа.

12 октября 2002 г. на Бали произошла серия взрывов, в результате которых погибло 202 человека, в том числе 88 граждан Австралии. Репрезентации в медиа были выразительно эмоциональными. Первые полосы газет задокументировали с помощью текстов и изображений страдания выживших – эмоции, застывшие на их лицах, тяжелое положение жертв и разрушения после взрывов. Изображения самих взрывов и последующего оплакивания погибших дополнили текстовую репрезентацию травмы. Главная полоса газеты “Australian” в первый день информационного освещения взрывов была отдана под фотографию двух выживших, выходящих из горящих руин здания [22, р. 75–77]. Заголовки и язык статей способствовали превращению личных трагедий в трагедию коллективную и общенациональную. Читателям сообщалось, что социальные институты страны скорбят вместе с жертвами, что пострадать мог любой австралиец, что боль жертв является национальной, а ощущение травмы и шок потери стали разрушительными для «коллективной души» Австралии. Подобная репрезентация событий способствовала интеграции катастрофы в жизнь всех австралийцев, выводя ее из сферы личных переживаний [22, р. 70–75].

Хатчисон рассматривает коллективизирующую роль визуальных репрезентаций на различных примерах. Сразу после взрывов

австралийцы увидели упомянутое изображение двух выживших, но уже на следующий день начали публиковаться фотографии улыбающихся молодых людей, которые погибли в баре или пропали без вести. В заголовках ставился вопрос, как такое могло произойти с таким большим количеством молодых и жизнелюбивых австралийцев, читателей предупреждали о надвигающемся «сезоне террора». Эти изображения смещали внимание на переживание самой травмы. Наблюдавшие за трагедией посредством массмедиа люди участвовали в эмоциональных стадиях горя: они читали о трагических событиях, собирались на поминальных службах, пред ними выступали приносящие соболезнования политики.

Какими бы мимолетными ни казались эти репрезентации, они играют важную роль в конструировании коллективного видения индивидуальной травмы, будучи связаны с чувствами симпатии, эмпатии, сострадания и солидарности, которые считаются инструментами формирования социальных привязанностей, необходимых для усиления чувства национальной идентичности и общности. Хатчинсон предлагает пересмотреть понимание травмы для того, чтобы получить возможность изучить долговременные последствия травматических событий и влияния травм прошлого на политику настоящего [22, p. 78–82].

Хатчинсон еще раз возвращается к политической роли эмоций в статье «Глобальная политика жалости? Отображение катастрофы и эмоциональное конструирование солидарности после цунами в Азии 2004 г.» [23]. На этот раз она изучает роль эмоций в конструировании транснациональной солидарности и последующих за ней гуманитарных действий на примере землетрясения в Индийском океане 2004 г., для чего исследует эмоциональную сторону визуального изображения цунами в прессе после землетрясения. Анализируя фотографии в “New York Times”, Хатчинсон демонстрирует, как визуальные изображения цунами вызвали чувство солидарности и привели к поставкам гуманитарной помощи. Этого удалось добиться за счет использования репрезентаций катастрофы в развивающихся странах, которые вызвали «политику жалости» в развитых странах. Таким образом, эта работа стала эмпирическим изучением эмоций в мировой политике, а также связей между эмоциями и современным международным гуманитарным движением.

Идеи этих статей получили развитие в книге Хатчинсон, которая вышла в 2016 г. [24]. Автор добавила главу, посвященную «политике печали», которая может быть направлена на признание случившейся трагедии другими государствами и повышение статуса страны на международной арене или на принятие трагедии и предание ее

забвению. В качестве примеров Хатчисон выбрала отношение ЮАР к политике апартеида и «столетие унижения» Китая. В первом случае идет речь о примирении с пережитой травмой и попытке оставить ее в прошлом, во втором – о постоянной актуализации по причине использования в процессе формирования идентичности.

Совершенно другой подход к изучению роли эмоций в международных отношениях использует в своей книге Т. Холл [25]. Он пишет об эмоциональном поведении, которое является важной частью того, как люди общаются. По мнению Холла, эмоциональное поведение играет такую же роль и во взаимоотношениях государств, в том, какие они избирают стратегии и способы взаимодействия с другими государствами. Книга Холла предлагает теоретическую рамку для понимания природы и последствий эмоционального поведения государств на международной арене. Автор вводит концепцию эмоциональной дипломатии, понимаемой как координируемое поведение, проецирующее образ определенного эмоционального ответа на другие страны [25, р. 2]. Эмоциональная дипломатия, по его мнению, может принимать различные формы, ее ограничивает только спектр человеческих эмоций.

В одной из глав Холл предпринимает попытку проанализировать российско-американские отношения через концепцию «дипломатии симпатии» [25, р. 18], рассматривая реакцию России на события 11 сентября 2001 г. в США. Автор считает, что если бы Россия придерживалась традиционного подхода к ведению внешней политики, ее действия были бы во многом другими. Россия, к примеру, не только выразила сочувствие через своих официальных представителей, но и объявила минуту молчания и приспустила флаги, а русские граждане оставляли цветы у американского посольства. Помимо символических жестов, Россия предприняла и реальные шаги навстречу правительству США: немедленно начались переговоры о сотрудничестве, обмене разведанными, было дано согласие на временное размещение американских войск на территориях бывших советских республик в Средней Азии.

По мнению Холла, Россия стремилась защитить образ проявляемой симпатии и официально им управляла, что позволяет перевести его в разряд официальных эмоций. Кроме этого, у России существовали возможности попросить нечто взамен оказываемой ею помощи. Нельзя утверждать, что она этого не хотела или не выжидала подходящего случая для своей просьбы. Однако Россия так ничего и не попросила, благодаря чему был сохранен образ проявления симпатии и искренности. Автор считает, что трагедия в США дала России возможность исправить отношения с давним

неприятелем. Так как другого шанса могло бы и не быть, Россия пошла по пути дипломатии сочувствия, взяв на себя риски, связанные с необходимостью проявлять его не только символически, но еще и дорогостоящими во многих смыслах уступками [25, р. 80–109].

Помимо концепции эмоциональной дипломатии Т. Холла, есть и другие примеры привлечения анализа эмоций при исследовании взаимоотношений России и Запада. А. Цыганков в статье 2014 г. [26] изучает дискурсы и эмоции России по отношению к Западу. Для этого он использует ежегодные обращения президентов РФ к Совету Федерации, а также их публичные заявления по вопросам внешней политики (такие как европейская безопасность, размещение ПРО, нестабильность на Среднем Востоке). Для своего исследования автор выбрал период с марта 2008 г. по декабрь 2012 г. Изучая язык официальных обращений и заявлений президентов РФ, Цыганков выделяет несколько стадий эволюции эмоционального отношения России к Западу: стадия страха – с марта 2008 г. по июнь 2009 г., стадия надежды – с сентября 2009 г. по конец 2010 г., стадия разочарования – с начала 2011 г. по декабрь 2012 г. Существование этих стадий Цыганков объясняет глубокой эмоциональной связью между Россией и Западом, а также чувством национальной чести, развитым у России. Эти два фактора, по его мнению, и определяют действия России, ее эмоции и риторику. Россия демонстрирует надежду, когда чувствует, что ее честь уважают, и разочарование, когда ее честь попирают.

Цыганков отмечает проблему признания России равным участником экономических и политических проектов в Европе и приходит к выводу, что Россия и Европа культурно зависимы и могут продолжать сотрудничество, только если научиться уважать ценности друг друга.

Еще одним примером изучения взаимоотношений стран с помощью исследования эмоций является статья Х. Фатта и К.М. Фиерк «Столкновение эмоций: политика унижения и политическое насилие на Среднем Востоке» [27]. Авторы пытаются ответить на вопрос, возникший у американцев после 11 сентября 2001 г.: «Почему они нас так ненавидят?». Причину этой ненависти традиционно искали в идеях столкновения культур, современного общества с традиционным. Фатта и Фиерк решили привлечь для объяснения эмоциональный фактор.

Авторы концентрируются на таких эмоциях, как унижение и чувство предательства. По их мнению, у обществ, базирующихся на стыде (к таковым они причисляют страны Арабского мира), реакция на унижительный опыт будет более яростной, чем у обществ,

базирующихся на чувстве вины (западные страны). Такая разница в реакции различных обществ должна приниматься в расчет при исследовании международных отношений. В качестве примера унижительного опыта авторы приводят обнародование фотографий пленных из тюрьмы Абу-Грейб в Ираке. Эти фотографии были восприняты как унижительные не только для самих пленных, но и для всего Арабского мира. В итоге их использовали для превращения личного унижения в общеразделяемое унижение и развития чувства беспомощности. Предательство авторы называют более личным опытом, чем унижение, способным усилить его [27, р. 70–73]. Современный нарратив предательства и унижения в Арабском мире строится вокруг США как главного международного актора, Израиля, который получает серьезную поддержку от США, и проамериканских арабских режимов [27, р. 77].

Важным событием для формирования чувства унижения у народов Среднего Востока авторы считают проигрыш в арабо-израильской (шестидневной) войне 1967 г. Эта унижительная война, которую арабские писатели назовут матерью всех поражений, стала концом панарабского национализма, делегитимизировала светские арабские режимы и породила политический ислам. После этого, начиная с 1972 г., США наложили вето на 42 резолюции ООН, осуждающие действия Израиля. Лицемерие США и поддержка Европой авторитарных режимов на Среднем Востоке, введение санкций в отношении Ирака и Ирана – все это, подчеркивают Фатта и Фиерк, вызвало чувство гнева и унижения на арабском Востоке. В свою очередь, испытываемое долгое время унижение можно было преодолеть только его противоположностью – достоинством с помощью джихада. Следовательно, события 11 сентября 2001 г., резюмируют авторы, следует расценивать как попытку обретения достоинства [27, р. 79–85].

Таким образом, авторы пытаются дать ответ на важный для США вопрос не с помощью идеи столкновения культур, современного и традиционного общества, а посредством изучения базовых эмоций и их иерархии, которые могут отличаться у разных обществ.

Заключение

Изучение роли эмоций в международных отношениях представляет собой перспективную область исследований на основе социального конструктивизма. После первых публикаций начала 2000-х гг. настоящим толчком для ее развития стала статья Хат-

чисон и Блейкера, вышедшая в 2008 г. Вслед за ней появились теоретические работы, посвященные проблемам определения эмоций, формированию социальных эмоций, существованию эмоций у государства. Однако для дальнейшего развития данного направления исследований и обретения им самостоятельного статуса потребовалось перейти от теоретического макроподхода к микроподходу – изучению эмоций на основе конкретных кейсов. Они могут быть очень разными: одни исследователи фокусируются на коллективных эмоциональных реакциях на события, другие – на роли эмоций в официальных дипломатических отношениях.

Оба этих направления активно развиваются. Появляются новые исследовательские центры, посвященные изучению эмоций, выходят книги, периодические издания и статьи, благодаря чему методология продолжает уточняться и совершенствоваться [28–32].

Литература

1. *Hutchison E., Bleiker R.* Theorizing Emotions in World Politics // *International Theory*. 2014. Vol. 6. № 3. P. 491–514.
2. *Плампер Я.* История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
3. *Воробьева О.В.* «Индустрия эмоций»: институциональные и интеллектуальные ресурсы истории эмоций [Электронный ресурс] // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2015. Т. 6. № 9 (42). URL: <http://history.jes.su/s207987840001247-0-1> (дата обращения 06 нояб. 2018).
4. *Crawford N.C.* The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships // *International Security*. 2000. Vol. 24. № 4. P. 116–156.
5. *Mercer J.* Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics // *Journal of International Relations and Development*. 2006. Vol. 9. № 3. P. 288–303.
6. *Hutchison E., Bleiker R.* Fear no More: Emotions and World Politics // *Review of International Studies*. 2008. Vol. 34. № 1. P. 115–135.
7. *Hutchison E., Bleiker R.* Emotions, Discourse and Power in World Politics // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19. № 3. P. 501–508.
8. *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton: Princeton Univ. Press, 2012. 544 p.
9. *Costigliola F.* "I React Intensely to Everything": Russia and the Frustrated Emotions of George F. Kennan, 1933–1958 // *Journal of American History*. 2016. Vol. 102. № 4. P. 1075–1101.
10. *Åhäll L., Gregory T.* Emotions, Politics and War. N. Y.: Routledge, 2015. 262 p.
11. *Heath-Kelly Ch.* Politics of Violence: Militancy, International Politics, Killing in the Name. L.; N. Y.: Routledge. 2013. 193 p.

12. *Ross A.* Mixed Emotions: Beyond Fear and Hatred in International Conflict. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2014. 232 p.
13. *Solomon T.* The Affective Underpinnings of Soft Power // *European Journal of International Relations*. 2014. Vol. 20. № 3. P. 720–741.
14. *Sasley B.* Theorizing States' Emotions // *International Studies Review*. 2011. Vol. 13. № 3. P. 452–476.
15. *Mercer J.* Feeling Like a State: Social Emotion and Identity // *International Theory*. 2014. Vol. 6. № 3. P. 515–535.
16. *Koschut S.* No Sympathy for the Devil: Emotions and the Social Construction of the Democratic Peace // *Cooperation and Conflict*. 2018. Vol. 53. № 3. P. 320–338.
17. *Koschut S.* The Power of (Emotion) Words: On the Importance of Emotions for Social Constructivist Discourse Analysis in IR // *Journal of International Relations and Development*. 2018. Vol. 21. № 2. P. 495–522.
18. *Fierke K.M.* Emotion and Intentionality // *International Theory*. 2014. Vol. 6. № 3. P. 563–567.
19. *Koschut S.* Emotional (Security) Communities: The Significance of Emotion Norms in Inter-Allied Conflict Management // *Review of International Studies*. 2014. Vol. 40. № 3. P. 533–558.
20. *Linklater A.* Anger and World Politics: How Collective Emotions Shift Over Time // *International Theory*. 2014. Vol. 6. № 3. P. 574–578.
21. *McDermott R.* New Directions for Experimental Work in International Relations // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. № 2. P. 503–520.
22. *Hutchison E.* Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing // *International Relations*. 2010. Vol. 24. № 1. P. 65–86.
23. *Hutchison E.* A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami // *International Political Sociology*. 2014. Vol. 8. № 1. P. 1–19.
24. *Hutchison E.* Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016. 378 p.
25. *Hall T.* Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 2015. 248 p.
26. *Tsygankov A.* The Frustrating Partnership: Honor, Status, and Emotions in Russia's Discourses of the West // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. Vol. 47. № 3. P. 345–354.
27. *Fattah Kh., Fierke K.M.* A Clash of Emotions: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East // *European Journal of International Relations*. 2009. Vol. 15. № 1. P. 67–93.
28. *Researching Emotions in International Relations: Methodological Perspectives on the Emotional Turn* / Ed. by M. Clément, E. Sangar. Abingdon, Oxon, UK: Routledge, 2018. 355 p.

29. Hall T. Three Approaches to Emotion and Affect in the Aftermath of the Zhuhai Incident // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19. № 3. P. 487–491.
30. Yohan A., Coicaud J.-M., Popovski V. *Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations*. N. Y.: Cambridge Univ. Press. 2015. 407 p.
31. *Emotions and Mass Atrocity: Philosophical and Theoretical Explorations* / Ed. by T. Brudholm, J. Lang. N. Y.: Cambridge Univ. Press. 2018. 305 p.
32. *The Politics of Compassion* / Ed. by M. Ure, M. Frost. N. Y.: Routledge. 2014. 258 p.

References

1. Hutchison E., Bleiker R. Theorizing Emotions in World Politics. *International Theory*. 2014;3:491-514.
2. Plamper J. History of Emotions. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.; 2018. 568 p. (In Russ.)
3. Vorob'eva OV. "Emotion Industry". Institutional and Intellectual Resources of the History of Emotions [Internet]. *Electronic Scientific Educational Journal "History"*. 2015;9 (data obrashcheniya 11 May 2018). URL: <http://history.jes.su/s207987840001247-0-1> (In Russ.)
4. Crawford C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships. *International Security*. 2000;4:116-56.
5. Mercer J. Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics. *Journal of International Relations and Development*. 2006;3:288-303.
6. Hutchison E., Bleiker R. Fear no More: Emotions and World Politics. *Review of International Studies*. 2008;1:115-35.
7. Hutchison E., Bleiker R. Emotions, Discourse and Power in World Politics. *International Studies Review*. 2017;3:501-08.
8. Costigliola F. Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton: Princeton Univ. Press. 2012. 544 p.
9. Costigliola F. "I React Intensely to Everything": Russia and the Frustrated Emotions of George F. Kennan, 1933–1958. *Journal of American History*. 2016;4:1075-101.
10. Åhäll L., Gregory T. *Emotions, Politics and War*. N. Y.: Routledge, 2015. 262 p.
11. Heath-Kelly Ch. *Politics of Violence: Militancy, International Politics, Killing in the Name*. L.; N. Y.: Routledge, 2013. 193 p.
12. Ross A. *Mixed Emotions: Beyond Fear and Hatred in International Conflict*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2014. 232 p.
13. Solomon T. The Affective Underpinnings of Soft Power. *European Journal of International Relations*. 2014;3:720-41.
14. Sasley B. Theorizing States' Emotions. *International Studies Review*. 2011;3:452-76.
15. Mercer J. Feeling Like a State: Social Emotion and Identity. *International Theory*. 2014;3:515-35.

16. Koschut S. No Sympathy for the Devil: Emotions and the Social Construction of the Democratic Peace. *Cooperation and Conflict*. 2018;3:320-38.
17. Koschut S. The Power of (Emotion) Words: On the Importance of Emotions for Social Constructivist Discourse Analysis in IR. *Journal of International Relations and Development*. 2018;2:495-522.
18. Fierke KM. Emotion and Intentionality. *International Theory*. 2014;3:563-67.
19. Koschut S. Emotional (Security) Communities: The Significance of Emotion Norms in Inter-Allied Conflict Management. *Review of International Studies*. 2014;3:533-58.
20. Linklater A. Anger and World Politics: How Collective Emotions Shift Over Time. *International Theory*. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 574–578.
21. McDermott R. New Directions for Experimental Work in International Relations. *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. No. 2. P. 503–520.
22. Hutchison E. Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing. *International Relations*. 2010. Vol. 24. No. 1. P. 65–86.
23. Hutchison E. A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami. *International Political Sociology*. 2014. Vol. 8. No. 1. P. 1–19.
24. Hutchison E. Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016. 378 p.
25. Hall T. Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 2015. 248 p.
26. Tsygankov A. The Frustrating Partnership: Honor, Status, and Emotions in Russia's Discourses of the West. *Communist and Post-Communist Studies*. 2014;3:345-54.
27. Fattah K., Fierke KM. A Clash of Emotions: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East. *European Journal of International Relations*. 2009;1:67-93.
28. Clément M., Sangar E., ed. Researching Emotions in International Relations: Methodological Perspectives on the Emotional Turn. Abingdon, Oxon, UK: Routledge, 2018. 355 p.
29. Hall T. Three Approaches to Emotion and Affect in the Aftermath of the Zhuhai Incident. *International Studies Review*. 2017;3:487-91.
30. Yohan A., Coicaud J.-M., Popovski V. Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2015. 407 p.
31. Brudholm T., Lang J., ed. Emotions and Mass Atrocity: Philosophical and Theoretical Explorations. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2018. 305 p.
32. Ure M., Frost M., ed. The Politics of Compassion. N. Y.: Routledge, 2014. 258 p.

Информация об авторе

Виктория А. Аванская, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; viktya@mail.ru

Information about the author

Victoria A. Avanskaya, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; viktya@mail.ru